

A man with short brown hair, wearing a dark blue trench coat over a light-colored shirt and a patterned tie, stands in a library. He is looking directly at the camera with a serious expression. Behind him is a large window with a grid pattern, through which a city skyline is visible, featuring a prominent building with a large dome and clock tower. The library shelves are filled with old, leather-bound books.

Сергей Александров

Пятое управление

Сергей Александров

Пятое управление

<https://litres.ru/73998941>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, канун 1970 года. Молодого историка Алексея Вересаева отчисляют с последнего курса МГУ — он посмел усомниться в официальной версии происхождения легендарной библиотеки Ивана Грозного.

Оставшись без жилья и перспектив, Алексей случайно спасает от уличных хулиганов профессора-антиквара. Тот оказывается старым другом начальника 5-го управления КГБ генерала Бобкова.

Алексею предлагают службу. Он соглашается. Но едва он начинает новую жизнь, его спасителя-профессора находят мёртвым. Официально — самоубийство. Следом, при загадочных обстоятельствах, гибнут другие учёные. Внешняя разведка передаёт тревожный сигнал: в СССР активизирована агентурная сеть, связанная с бывшим Аненербе.

«Пятое управление» — детективный триллер о человеке, который, оказавшись внутри системы, пытается остаться собой и остановить древнее зло, не став при этом палачом.

Содержание

Глава 1

4

Глава 2

13

Сергей Александров

Пятое управление

Глава 1

Глава 1. Последний диспут

Аудитория, где сегодня заседал учёный совет, гудела, как пчелиный улей. Вдоль длинного стола, покрытого зелёным сукном, сидели маститые профессора, доценты, парторг, завкафедрами. В центре стола сидели декан истфака Иван Андреевич Федосов и собственной персоной ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский. В воздухе пахло тонким ко-
ньячным перегаром, старым табаком и вездесущей казённой сыростью.

Алексей Вересаев стоял у двери, привалившись плечом к косяку. Он не спал вторую ночь: сначала писал тот самый злополучный доклад, потом перечитывал его, потом спорил с научным руководителем по телефону, потом доказывал комсоргу, что никого не хотел оскорбить. Бесполезно.

— Товарищ Вересаев, — громкий голос председателя учёного совета профессора Евгения Михайловича Громова прервал гудение улья — Ваш вчерашний доклад произвёл на коллег тяжёлое впечатление. Мы вынуждены сегодня рассмотреть вопрос о вашей дальнейшей учёбе.

Вересаев молча кивнул. Он знал, что будет. Ещё вчера, когда он закончил говорить и погас свет за диапроектором, аудитория молчала. Потом кто-то хлопнул дверью. Потом научный руководитель, член-корреспондент АН СССР Пётр Дмитриевич Соболевский, встал и сказал: «Это не наука. Это политическая провокация».

Соболевский сидел сейчас напротив, под слегка покосившимся портретом Карла Маркса и постоянно приглаживал рукой жидкие волосы, зачёсанные на лысину. На нём был тёмно-синий костюм, галстук с разводами. Пальцы нервно крутили авторучку. Возле него стояла большая хрустальная пепельница с кучей окурков.

— Позвольте мне, — сказал он, приподнимаясь на стуле. — Я как научный руководитель должен изложить суть проблемы.

— Излагайте, Пётр Дмитриевич, — кивнул Громов.

Соболевский откашлялся. Говорил он с особым академическим пафосом, который должен был означать «я служу истине», но на деле означал «я здесь главный».

— Товарищи, перед нами случай, к сожалению, не редкий в нашей среде. Студент пятого курса Вересаев, подававший надежды как источниковед, вдруг впал в... как бы это сказать... идеологическую диверсию. Его диссертация посвящена так называемой «Либерии» — библиотеке Ивана Грозного. Но вместо того, чтобы добросовестно изучать документы, он взял курс на очернение русской истории.

В зале зашумели. Соболевский поднял руку:

— Он утверждает, что легендарная библиотека не могла быть привезена Софьей Палеолог в качестве приданого. Почему? Потому что, видите ли, после падения Константинополя в 1453 году её семья была нищей, бежала в панике, и им было не до книг. Он называет Софью — я цитирую из его доклада, — «нищей перезрелой толстушкой, страшной, алчной и беспринципной отравительницей».

В аудитории ахнули. Кто-то засмеялся, кто-то возмущённо зашикал.

Вересаев побледнел, но выдержал взгляд.

— Пётр Дмитриевич, это не мои слова, — сказал он тихо. — Это цитата из записок итальянского посла. Я привёл её, чтобы показать, что образ Софьи как «носительницы высокой культуры» во многом мифологизирован. И я не отрицаю существование Либерии. Я отрицаю только, что она была привезена как приданое. Это разные вещи.

— Ах, разные! — Соболевский всплеснул руками. — Ты слышишь, Евгений Михайлович? Он отрицает версию, которая столетиями считалась незыблемой! Что же тогда, потвоему, Вересаев, если не приданое Софьи, было источником библиотеки? Может, её собрали уже на русской почве?

— Возможно, — спокойно ответил Вересаев. — Или вывезли позже, из Александровской слободы. Или собрали из разрозненных частей. Я не знаю. Я не утверждаю, что знаю всё. Я утверждаю только, что версия о приданом не выдер-

живает источниковедческой критики. Ни в одном документе той эпохи нет упоминания о том, что Софья везла с собой книги. Ни в одной описи её имущества. Это факт.

— Факт! — Соболевский саркастически усмехнулся. — А то, что вы, молодой человек, пытаетесь доказать, будто вся история о передаче византийской культуры на Русь — это «сознательная идеологическая диверсия русофобов», это тоже факт? Вы же прямо заявили в своём докладе: миф о приданом был выдуман для того, чтобы принизить величие славянской истории, доказать, что Русь получила культуру от более цивилизованных греков и европейцев!

— Да, заявил, — твёрдо сказал Вересаев. — Потому что это так. Посмотрите, кто и когда начал активно тиражировать эту версию. В XVIII веке, когда русская интеллигенция была одержима европоцентризмом. В XIX веке, когда западники доказывали, что у нас всё чужое. А сейчас эту версию повторяют наши идеологические враги на Западе, чтобы доказать, что без европейского влияния СССР — дикая страна. Я не против византийского наследия. Я против лжи.

— Лжи?! — Соболевский побагровел. — Ты обвиняешь в создании лжи Карамзина? Соловьёва? Ключевского? Ты, студент пятого курса, смеешь перечёркивать труды классиков?

— Я перечёркиваю не труды, а мифы, — не повышая голоса, ответил Вересаев. — Ключевский, между прочим, сам сомневался в версии о приданом. Он писал, что «обстоя-

тельства вывоза библиотеки остаются тёмными». А вы, Пётр Дмитриевич, в своей монографии 1963 года вообще не упоминаете Софью. Вы пишете, что Либерия могла быть собрана уже при Иване Грозном из книг, привезённых разными людьми. Я цитирую: «Царь Иван Васильевич, будучи человеком начитанным, окружал себя книжниками и собирал рукописи со всей Руси». Почему же сейчас вы защищаете версию, которую сами же ставили под сомнение?

Соболевский побагровел ещё сильнее. Он резко подался вперёд, опираясь кулаками о стол.

— Ах, ты решил меня же моими трудами бить? Ну что ж, Вересаев, тогда ответь мне на один вопрос. Ты хоть знаешь, что в 1963 году — в том же году, между прочим, когда вышла моя монография — была создана авторитетная общественная комиссия по поискам библиотеки Ивана Грозного под руководством академика Михаила Николаевича Тихомирова? Комиссия при Отделении истории Академии наук СССР! Туда входили такие видные учёные, как Зимин, Шмидт, Рыбаков! И они не сомневались в том, что библиотека существует. Они искали её, Вересаев! Потому что верили в неё! Верили в ту самую легенду, которую ты сегодня объявил русофобской диверсией. Ты что же, смеешь ставить под сомнение консенсус нашей академической науки?

В аудитории зашептались. Вересаев выдержал взгляд.

— Пётр Дмитриевич, я не ставлю под сомнение существование библиотеки. Я ставлю под сомнение только версию о

её происхождении как приданого Софьи. Это разные вещи. Комиссия Тихомирова искала библиотеку — это правильно. Но искали они её не потому, что верили в византийское приданое, а потому что были десятки других указаний — и летописные упоминания о царском архиве, и свидетельства иностранцев, и находки отдельных книг в монастырях. Тихомиров, между прочим, сам писал, что вопрос о происхождении библиотеки «остаётся дискуссионным». Он не утверждал, что её привезла Софья. Он предполагал, что она могла быть собрана уже здесь, на русской почве. Или что её основу составили книги из разных источников.

— Ты передёргиваешь, Вересаев! Ты передёргиваешь слова классика! — перебил Соболевский.

— Нет, — покачал головой Вересаев. — Это вы передёргиваете, Пётр Дмитриевич. Вы создаёте видимость «консенсуса», которого не было. Комиссия существовала. Она проделала огромный объем работы. Но она не искала приданое Софьи. Она искала реальную библиотеку, реальное собрание книг, которое могло быть спрятано. А легенда о том, что её привезла нищая византийская царица — это именно легенда, и она не имеет отношения к научным поискам. И если вы, уважаемый учитель, не видите разницы между «библиотека существует» и «библиотека привезена в качестве приданого Софьи», то это проблема не моя, а ваша.

Он замолчал. В аудитории воцарилась тишина. Соболевский медленно сел. Лицо его было белым. Авторучка в паль-

цах хрустнула.

— Ты перешёл границы, Вересаев. Мои научные взгляды — не твоё дело. А твоё дело — учиться, а не заниматься политическими спекуляциями. И если ты не видишь, что твои так называемые «источниковедческие изыскания» ведут прямо к отрицанию величия нашей истории, к принижению роли православия и византийского наследия, то ты... ты просто слепец.

— Я вижу, — сказал Вересаев. — Я вижу, что вы боитесь дискуссии. Вы боитесь, что правда окажется сложнее, чем вам хочется. И вместо того, чтобы спорить аргументами, вы тычете меня носом в «политическую неблагонадёжность». Но я не политик. Я историк. И моя задача — искать истину, а не обслуживать чьи-то идеологические установки. Может ответите мне на вопрос, как из захваченного врагом города можно увезти несколько подводов книг?

Соболевский медленно поднял руку, показывая, что говорить больше не будет.

— Предлагаю, — сказал он, обращаясь к председателю, — поставить вопрос на голосование. Нужно ли отчислить студента Вересаева за систематическое распространение идей, противоречащих материалистическому пониманию истории. За антинаучную, а по сути — антисоветскую деятельность.

Громов тяжело вздохнул, как человек, который знает, что сейчас будет вынужден сделать нечто неприятное, но неиз-

бежное.

— Коллеги, есть возражения?

Никто не поднял руки. Вересаев оглядел лица: парторг — каменное, доценты — как у кроликов перед удавом, старые профессора — с жалостью, но без желания спорить. Один лишь Игорь Леонидович Романов, старик из сектора вспомогательных дисциплин, покачал головой, но руку не поднял.

— Голосуем, — сказал Громов.

Руки поползли вверх. Двадцать три из двадцати пяти. Двое воздержались.

Вересаев смотрел на эти поднятые руки и думал: через минуту он уже не студент. Через минуту он никто.

— Решение принято, — констатировал Громов. — Студент Вересаев Алексей Борисович отчисляется из Московского государственного университета имени Ломоносова за систематическое распространение идей, противоречащих материалистическому пониманию истории. Приказ будет оформлен завтра, то есть 25 декабря 1969 года.

Он обвёл взглядом зал и добавил, обращаясь к Вересаеву: — Можете быть свободны.

Вересаев не пошевелился. Ему хотелось сказать что-то ещё, но он понимал: они не услышат. Они никогда не слушают.

Молодой человек развернулся и вышел.

* * *

Коридоры истфака были пусты. За окнами первого этажа

уже темнело — зимний день короток. Вересаев прошёл мимо стенда с выцветшей фотографией Сергея Есенина, мимо доски почёта, где висели портреты отличников, мимо автомата с газировкой, у которого обычно толпились студенты. Сейчас никого не было — все готовились к зачётам.

Алексей с удовольствием вдохнул свежий воздух. Крупный, липкий, падающий с низкого неба снег крутился замысловатыми хороводами. Мозг резануло от мысли, что у него не осталось ничего — ни диплома, ни работы, ни даже права на общежитие послезавтра. Разбилась его мечта. Куда теперь? Работать на завод? Вернуться на службу в армию? Может, стать тренером по самбо? Ребята из секции давно звали на тренерскую. За этот месяц он стипендию уже получил. Но что потом?

Вересаев поднял воротник теплого коричневого пальто и побрел к метро.

Глава 2

Глава 2. Арбатская подворотня

В метро было душно и людно. Вересаев спустился на станцию «Университет», купил жетон, протиснулся в вагон. Его толкали, наступали на ноги, но он ничего не замечал. В ушах всё ещё звучал голос Соболевского: «...за систематическое распространение идей, противоречащих материалистическому пониманию истории».

На «Арбатской» он вышел. Идти в общежитие категорически не хотелось. Не хотелось быть одному. Сосед по комнате, грузин Сандро, с которым они дружили с первого курса, укатил в Тбилиси встречать Новый год с семьей. Нужно было чем-то занять голову. Ноги сами принесли на Старый Арбат.

В 1969 году Арбат еще не был пешеходным. По широкой мостовой, заснеженной и укатанной, в обе стороны ехали редкие машины. Неспешно тащились, поблёскивая стёклами, троллейбусы. Провода над ними чуть заметно искрились на морозе. Улица жила своей обычной предновогодней жизнью: женщины с сумками, мужчины в серых пальто с замотанными новогодними ёлками, детвора, лепящая снежки у подъездов. Где-то в глубине переулков горели окна, вывески гастрономов светились матовым светом. Арбат ещё не стал тем музеем под открытым небом, каким его сделают через

двадцать лет. Он был просто старой московской улицей — шумной, не очень чистой, но живой.

Алексей сунул руки в карманы пальто и тяжело захрустел по снегу. Он думал о том, куда податься завтра. Возможно, в общежитии разрешат, в виде исключения, дожить до конца года или немного дольше. Последняя стипендия лежала в кармане, сорок рублей. Снять угол в Москве на такие деньги немыслимо и непонятно, что делать потом. Значит, нужно уезжать? Но куда? Родители в Саратове, но возвращаться к ним не покорив столицу он точно не хотел.

Молодой человек дошёл до знакомой букинистической лавки у Никольского переулка. Она ютилась в полуподвале старого дома — вывеска скромная, но внутри пахло вековой пылью, типографской краской и ещё чем-то неуловимым. Сюда он заходил часто, когда голова шла кругом от источниковедческих споров. Здесь, среди стеллажей, мысли успокаивались. Книжки не спорили. Они терпеливо ждали.

Он толкнул дверь, звякнул колокольчик.

Хозяин — сутулый старик в очках — поднял голову от стопки книг.

— Здравствуйте, Михаил Ефимович.

— А, Алексей, — старик улыбнулся. — Давно не заходили. Всё нашу Либерию ищите?

— Ищу, — невесело усмехнулся Вересаев. — Да вот, сегодня отчислили. Так что теперь мне долго не светит погружаться в чтение книг и научную работу.

Михаил Ефимович удивлённо поднял брови, отложил книгу.

— Отчислили? За что же, разрешите полюбопытствовать?

— Соболевский сказал, что я распространяю идеи, противоречащие материалистическому пониманию истории.

— Ну-ну... — старик покачал головой. — Значит, не угодили. Бывает. А вы не отчаивайтесь. Дело молодое — переживёте.

Он полез в нижний шкафчик, достал толстый фолиант и заговорщицки подмигнул Вересаеву.

— Хотите, покажу кое-что? «Летопись русская по Никонову списку». Москва, 1768 год. Редкость. На сегодня — последний раз смотрю, потом хозяин заберёт.

Алексей оживился:

— Конечно.

— Но сначала руки мыть. — Михаил Ефимович указал на раковину. — Часы снимите, кольца, браслеты. Бумага ветхая.

Вересаев снял выдавшие виды часы «Победа», подарок родителей, положил на прилавок. Колец и браслетов у него не было. Прошёл к раковине, долго тёр руки по локоть с мылом, затем вытер насухо.

— А вы, батенька, знаете, как листать такие книги? — спросил букинист, когда Алексей вернулся.

— Пинцетом? — неуверенно предположил Вересаев.

— Боже упаси! — старик замахал руками. — Пинцет —

для марок. А здесь бумага хрупкая, порвёте. И за уголок не хватайте. Вот так надо: за середину, плавно. Садитесь, покажу.

Он открыл книгу на подставке, градусов под сто, и мягко перевернул страницу. Пальцы двигались бережно, без спешки.

— Теперь вы попробуйте.

Вересаев осторожно коснулся страницы. Бумага была жёсткой, но одновременно казалась очень хрупкой. Типографская краска въелась глубоко. От книги шел какой-то особый запах. Запах времени.

— Красота...

— То-то. — Михаил Ефимович улыбнулся. — Такие вещи, голубчик, душу лечат. Я не смогу вам помочь с жильём и работой, но всегда могу предложить прикосновение времени.

— Это точно, — кивнул Вересаев. — И спасибо вам за эту возможность.

Молодой человек сам не заметил, как за обсуждением особенностей книгопечатания восемнадцатого века прошло довольно много времени.

Вересаев надел часы, попрощался и вышел на улицу.

Снег кружился по-прежнему в зимнем вальсе. Алексей сунул руки в карманы и пошёл дальше, не глядя по сторонам. Мысли сами собой свернули к Соболевскому. Теперь, когда всё кончено, можно было признаться себе: ненависть

профессора родилась не вчера и не сегодня.

Всё началось на третьем курсе. Соболевский читал спецкурс по источниковедению древнерусских летописей. Алексей задал вопрос: почему в официальном издании «Повести временных лет» выпущены фрагменты, противоречащие норманнской теории? Соболевский побледнел, ответил невнятно. А когда на семинаре Вересаев указал ему на неверную трактовку цитаты из Ипатьевской летописи, Соболевский побагровел — и затаил обиду.

Потом вышла статья Вересаева о «Троицкой летописи». Академик Тихомиров назвал её «блестящей». Соболевский пришёл в ярость. Через неделю Алексея сняли с кафедральной конференции, тему дипломной работы и диссертации утверждали с боем.

А потом были кулуарные разговоры. В тесной компании Вересаев позволял себе резкие фразы: «Наша история — сплошная подтасовка», «Соболевский обслуживает партийные установки». Донесли. Профессор вызвал «на ковёр», учил «политической бдительности». И наконец, на прошлогоднем банкете подвыпивший Соболевский прошипел: «Думаешь, умнее всех? Да я твою карьеру...».

Сегодня утром Вересаев добил его. Цитатой из его же монографии 1963 года, где Соболевский сам ставил под сомнение версию о приданом Софьи. При всех. Профессорское самолюбие не выдержало.

Алексей усмехнулся. Почему-то эта мысль была ему при-

ятна.

Он уже подходил к Никольскому переулку, когда из темноты донесся крик.

— Пустите! Помогите!..

Голос, доносившийся откуда-то из арки, был старческий, надтреснутый, срывающийся на хрип. В проходе за аркой мерцал один-единственный слабый фонарь.

Вересаев ускорил шаг, свернул. В полумраке разглядел троих крепких парней в дублёнках — и одного, прижатого к стене пожилого мужчину в старомодном драповом пальто. К груди тот прижимал портфель.

— Денег нет, молодые люди, — бормотал старик. — Оставьте меня.

— А портфель? — лениво спросил широкоплечий вожак. — И часы, гляди, золотые.

Он перехватил старческое запястье, дёрнул. Замок портфеля щёлкнул.

— Не трогайте! — крикнул старик.

Вересаев шагнул вперёд.

— Отойдите от него.

Трое обернулись. Широкоплечий скривился:

— Слышь, студент, иди отсюда, пока цел.

— Я сказал — отойдите.

Алексей был опытным бойцом, прошедшим много поединков и во время службы в армии, которая пришлась на советский контингент в Германии, пользовался уважением

у сослуживцев. Но тренировка и учебный поединок и даже соревнования – это не уличная драка. В уличной драке нет правил и может случиться абсолютно все, что угодно. Например, у тебя чаще всего нет возможности оценить возможности и уровень подготовки противника и тут никто не выбирает весовую категорию. Но хуже всего то, что в уличной драке противников может быть несколько и они могут оказаться вооружены. Именно так и получилось сейчас. В голове в этот момент пробежал ворох совершенно разных мыслей, которые откровенно мешали. Но многолетний опыт мгновенно расставил все по полочкам и заставил тренированное тело действовать автоматически.

Первый негодяй — шустрый, тощий — кинулся с кулаками. Вересаев бросив свою папку в лицо самому крепкому из них, ушёл в сторону, пропуская боксерский удар, перехватил правую руку, подножка — и парень гулко шмякнулся спиной в наледь. И так и остался там лежать, прижимая руку к пояснице.

Второй выхватил нож. Лезвие финки тускло блеснуло в слабом свете фонаря. Алексей не дал ему ударить. Успел схватить кисть и дернуть на себя и вниз, выводя противника из равновесия. Продолжая движение, он перехватил запястье двумя руками, заводя на болевой. Хулиган громко вскрикнул, роняя оружие, и в следующий момент оказался лежащим в месиве из снега и грязи, с надолго выведенной из строя рукой.

Третий, широкоплечий, которому папка острым углом попала прямо в лицо, бросился на Алексея прямо и бесхитростно. А вот это уже было проще простого. Вересаев поднырнул под атакующую руку, вкрутился бедром ниже центра тяжести нападавшего и сделал бросок через бедро. Завершая прием, он задержал руку для усиления болевого эффекта. Широкоплечий взвыл. Больше атаковать было некому.

— Валим! — крикнул он, и все трое, прихрамывая, исчезли в темноте.

Вересаев отряхнул пальто. Повернулся к старику:

— Вы целы?

Старик стоял, прижимая портфель к груди, и смотрел изумлённо.

— Спасибо, голубчик, — выдохнул он. — Я уж думал — конец. А вы... вы откуда такой? У вас из папки бумаги вывалились. Вы студент?

— Бывший студент, — усмехнулся Вересаев.

— Бывший? — старик прищурился. — Молоды вы для бывшего.

— Отчислили меня сегодня. Вам помочь дойти?

— Спасибо, я сам. Но... — старик замялся, потом решился. — Зайдите на чай. Я живу здесь недалеко. Негоже отпускать спасителя в такой мороз. Да и вид у вас невесёлый.

Он протянул руку:

— Профессор Борис Лазаревич Гольдштейн.

Вересаев пожал:

— Алексей.

— Скажите, Алексей, — Гольдштейн хитро прищурился,

— вы не из МГУ, случайно? Лицо ваше знакомым кажется.

— Да, учился там.

— Историк?

— Средневековье, источниковедение.

Гольдштейн хлопнул себя по лбу:

— Так вот же! Я о вас слышал. Это же вы постоянно спорили с Соболевским об источниках и напечатали статью о Троицкой летописи? Вас еще очень хвалил Тихомиров!

Вересаев кивнул.

— Именно я.

— Прекрасно! — старик аж подпрыгнул. — Значит, мы коллеги. Я, знаете ли, тоже интересуюсь древностями. Только не теми, что в университетах, а теми, что под землёй. Идёмте, идёмте. У нас будет о чём поговорить.

Вересаев хотел отказаться — но старик смотрел с такой благодарностью и участием, да и идти всё равно было некуда.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

Они вышли из подворотни. Снег валил стеной. Мимо, мягко шурша шинами, прокатил троллейбус с номером 39 на табличке — синий, облепленный снегом. Гольдштейн шагал бодро и рассказывал про историю этих мест: доходные дома, букинистов, тайны подземелий.

Вересаев слушал вполуха. Он ещё не знал, что этот случайный вечер перевернёт всю его жизнь.